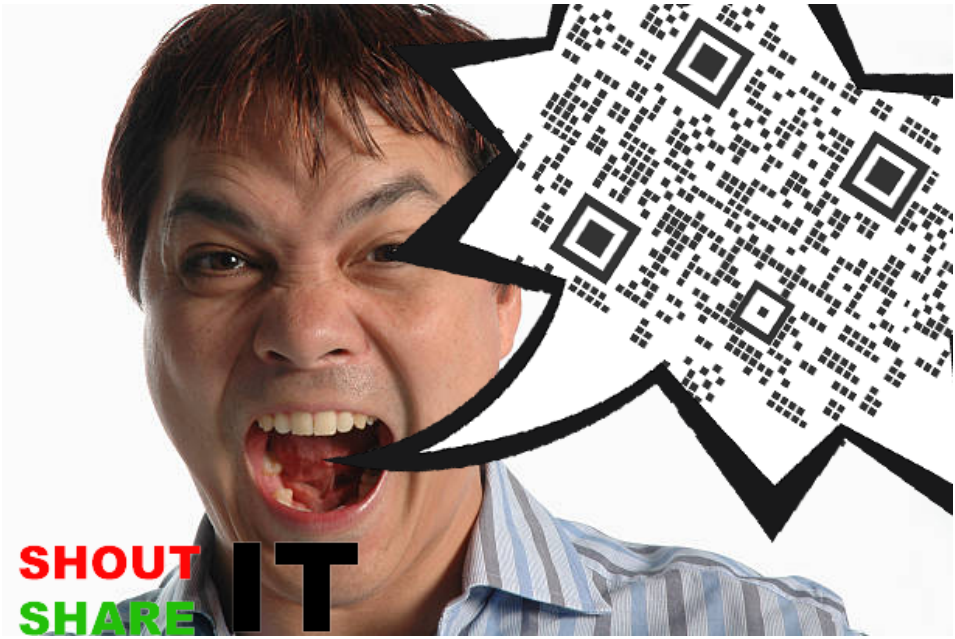
1 . 9 . 1 . 9
Thule-Gesellschaft


SHOUT
SHARE
IT

- Андрей Балабуха
- СЦЕНА ДЛЯ ГЕРОЯ
-
-
-
-
-
- ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА?

Андрей Балабуха

Лев Массалии

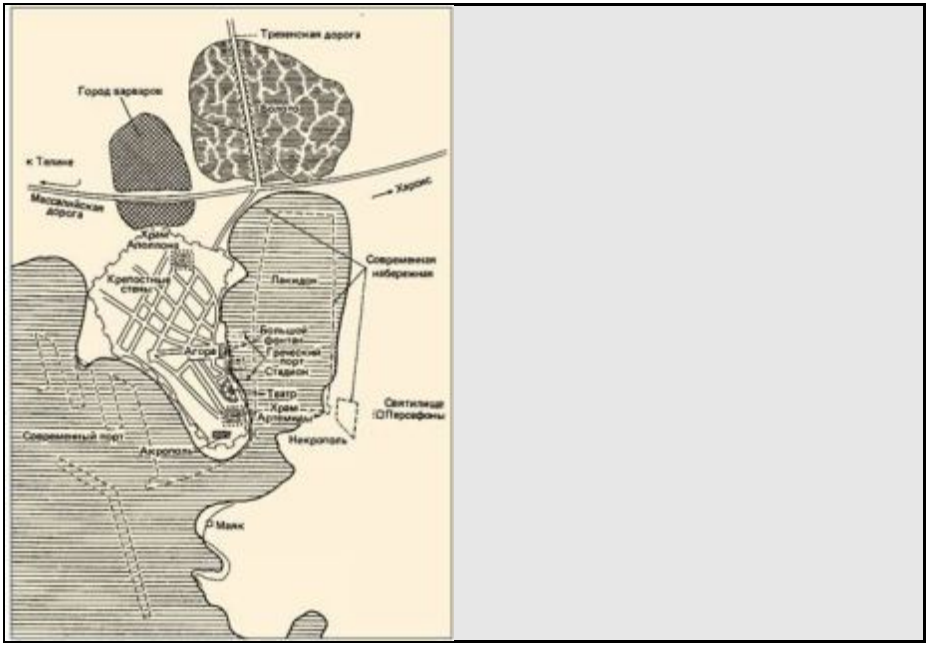
Великий путешественник, неутомимый исследователь неведомых земель легендарный пифей из Массалии (нынешнего Марселя) оказался забытым на долгие годы. Очерк о нем продолжает тему «пасынков истории», начатую рассказом о судьбе Ипатии (см. «Наука и жизнь» № 8, 2009 г.).

СЦЕНА ДЛЯ ГЕРОЯ

Прежде чем повести рассказ о нашем герое, придется немного потолковать о его родине - без этого многое в сюжете окажется непонятным.

VII век до н.э. В самом разгаре так называемая Великая греческая колонизация - не слишком скорое, однако упорное продвижение греков в западное Средиземноморье. Их колонии возникают повсюду - на Сицилии и Корсике, на Иберийском (или Пиренейском) полуострове. Их торговые фактории и колонии как грибы вырастают по всему средиземноморскому побережью. Движение это встречает упорное сопротивление со стороны Карфагена (он основан в 814 году до н.э. выходцами из финикийского города Тира). И конечно, не обошлось без войн. Одна из них разгорелась из-за Массилии, расположенной близ устья полноводного Родана (современная река Рона во Франции), на месте нынешнего Марселя.

На исходе VII века до н.э. греки, переселившиеся сюда из города Фокеи (сегодня - прибрежный городок Фоча на западе Турции), собравшись с силами и заключив союз с обитавшими на территории Прованса племенами салиев, эту Массилию захватили и переименовали. Прежнее название происходило то ли от нумидийцев-массилиев, которых карфагеняне некогда перевезли в город из Северной Африки, то ли от финикийских слов «маас» и «алаа», означавших «возвышающаяся крепость». Теперь же хитроумные греки, заменив лишь одну букву, сделали красивый жест в сторону своих местных союзников и в честь их верховного бога Сала нарекли город Массалией. Когда же в 540 году до н.э. пала сама Фокея, пришлые фокейцы стали обитателями метрополии, коренными массалиотами.



План Массалии, какой она была в IV веке до н.э.

Постепенно Массалия обзавелась собственными колониями - Монойком, Никеей, Антиполем, Неаполем, Афинополем и другими, с которыми постоянно поддерживала связь как по морю, так и посуху. Город быстро превратился в один из крупнейших торговых и промышленных центров, куда доставляли лен, полотно, вяленую и соленую рыбу, зерно, сушеные фрукты… Отсюда товары направлялись в Элладу и государства Апеннинского полуострова в обмен на повседневную и праздничную посуду, ювелирные и бронзовые изделия, но прежде всего - на вино и оливковое масло.

По Родану шла торговля с кельтами и германцами. Массалия торговала с ними кораллами и гранатами с Иерских островов (каждый камень продавался за двадцать золотых монет - цена по тому времени огромная). А получала от германских племен янтарь, тогда ценившийся куда выше, чем ныне, а главное - олово.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СЫРЬЕ ДРЕВНЕГО МИРА

Эпоха античности, знакомая всем хотя бы по учебникам или историческим романам, была еще и расцветом бронзового века. Не в том символическом понимании, в каком живут в человеческом сознании золотой, серебряный и бронзовый века, а в самом прямом, металлургическом смысле. Бронза была нужна всем: оружейникам и ювелирам, ваятелям и корабелам… Тогда как железо, главный металл последующей эпохи, практически не использовалось, разве что для поделок и украшений. Слишком мягкое и быстро разрушавшееся, оно мало на что было пригодно, пока из него не научились производить сталь. Но сталь еще долго оставалась чрезвычайно дорогой диковиной…

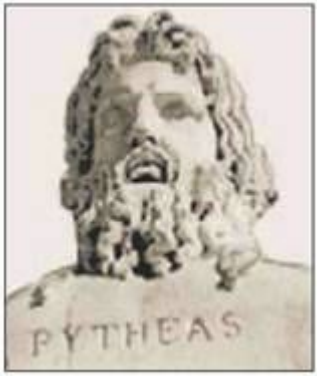
А что такое бронза? Она рождается, когда в тигле сплавляют олово и медь. Лучшей пропорцией, найденной металлургами Иберийского полуострова, считалось: 90% меди и 10% олова. Недостатка в меди средиземноморский мир не ощущал. Не то чтобы меди было в избытке (до открытия богатейших чилийских или кубинских залежей, объясняющих, кстати, многие политические грозы XX столетия, оставались еще века и века), однако и жаловаться грех. Хотя римский поэт Тит Лукреций Кар (99-55 годы до н.э.) писал:

Ценной была тогда медь,
А золото было в презренье
Как бесполезная вещь.

И все- таки куда дороже было олово. В VI веке до н.э. карфагеняне, тогдашние властители морей, этакие британцы античности, нашли неисчерпаемый источник этого металла на островах, бесхитростно нареченных Оловянными, а по-гречески - Касситеридами. Лежали они близ южного побережья Британии, впрочем, к ним относились и богатейшие копи на полуострове Корнуолл. Стремясь сохранить монополию на торговлю этим важнейшим стратегическим сырьем, карфагеняне установили морскую блокаду Гибралтарского пролива, чтобы чужой корабль не смог достичь Касситерид.

Греки, чьи колонии расположились к тому времени по всему восточному и северному Средиземноморью, смириться с таким положением не желали. Да вот беда - поделать ничего не могли: отменные мореходы, они не обладали флотом, способным соперничать с карфагенским. И олово, столь необходимое для древних сплавов (как, скажем, никель или марганец для современной металлургии), приходилось получать исключительно обходными путями. Через страну кельтов его везли на плотах по Сене, затем на мулах или лошадях до Отена или Вика, снова на плотах по Соне и Роне, откуда уже караванами

через Телину (современный Арль) в Массалию. Цена при переходе товара из рук в руки многократно возрастала… Нужно было искать новые водные пути.



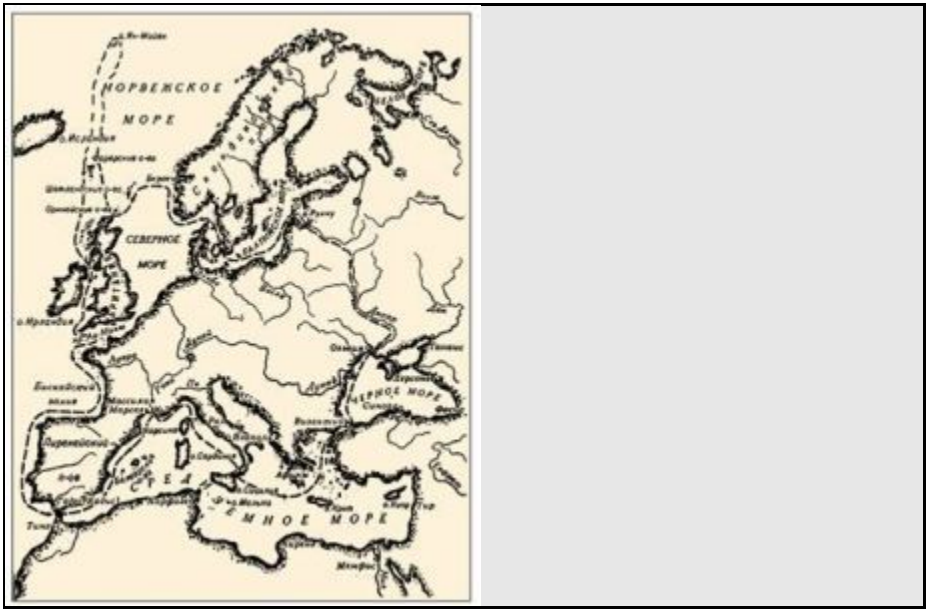
Этот бюст Пифея был установлен в нише на главном фасаде Марсельской биржи в 1900 году, когда город отмечал свое 2500-летие.

Двести лет спустя эта ситуация и побудила к действию нашего героя. Звали его Пифеем - едва ли не единственное, что мы знаем о нем наверняка. Впрочем, известно, что он был выдающимся ученым своего времени - математиком, астрономом, географом, этнографом, обладавшим живым и острым умом и наделенным незаурядной способностью к аналитическому мышлению. Известно, что он совершил одно (или два) путешествия в «страны олова и янтаря», о чем написал в двух трудах «Об океане» и «Описание Земли». Однако до нас они дошли только в виде отрывков, цитируемых другими авторами - Плинием Старшим, Страбоном, Полибием и Эратосфеном. Из

этих фрагментов явствует: Пифей знал о шарообразности Земли, умел вычислять географическую широту и с удивительной точностью измерял расстояния. Он первым ввел в обиход понятие «час» в его современном смысле - как 1/24 часть суток (до него сутки делились на 12 ночных и 12 дневных часов, продолжительность которых зависела от географической широты и времени года). Знал он и о существовании полярных дня и ночи…

Но все остальное - неведомо. Когда Пифей родился? Кем был по происхождению? Кто его учителя? Когда и как он умер? Бог весть. Почти через двести лет после Пифея греческий историк, государственный деятель и военачальник Полибий (около 201-120 до н.э.), автор «Всеобщей истории» в 40 томах, задавался вопросом: «Как частное лицо, человек к тому же небогатый смог одолеть значительные расстояния по морю и по суше?» Очевидно, он тогда знал о Пифее гораздо больше, чем мы.

Да, он был небогат, но не мною сказано: наука - это способ удовлетворять собственное любопытство за казенный счет. Каким-то образом Пифею удалось убедить тимухов - членов управлявшего городом Совета шестисот - финансировать экспедицию. Деньги были выделены, пятидесяти весельная пентеконтера снаряжена и в 330 году до н.э. вышла из гавани. Дерзкий поход на поиски «стран олова и янтаря» начался.



Путь Пифея в его великом путешествии вокруг Европы, совершенном в IV веке до н.э.

ВЕЛИКИЙ ЛЖЕЦ

История любит повторяться. Зная, что восточный путь в Индию вокруг Африки заперт португальцами, Колумб убедил испанцев искать западный, ведущий через Атлантику, путь и - открыл Америку. И кто знает, не вдохновил ли его пример Пифея? Не в силах прорвать карфагенскую блокаду на западе, в Гибралтаре, Пифей двинулся на восток - по морю Средиземному и далее путем, пройденным некогда аргонавтами Ясона, через Дарданеллы и Босфор в Черное море. Оттуда один водный путь на север, тот, которым позже ходили «из варяг в греки», причем Пифей избрал самый короткий его вариант, так называемый Западнодвинский. Сперва вверх по Днепру до Березины, в 13 километрах от ее устья свернуть, пройти несколькими притоками и, преодолев короткий волок, оказаться в водах Западной Двины. После недолгого плавания по этой реке выйти в неведомое море, которое мы именуем Балтийским, а Пифей назвал морем Страха,

откуда до Британских островов с их оловянными копями уже не так далеко.

Пифей, впрочем, не торопился: олово оловом, но не меньше - если не больше! - занимало его описание всех увиденных земель, всех встреченных племен и народов. Главное же - он мечтал достичь самой северной точки обитаемого мира, его последнего предела. Для практичных греков простирающийся к северу необитаемый мир особого интереса не представлял странную тягу к преодолению ледяных пустынь человечество проявило лишь много позже.

Где проходит этот предел, ему подсказали, причем учителей себе он отыскал в самом, казалось бы, неподходящем месте: у варваров, на шотландских Внешних Гебридах. На самом северном из этих островов располагалась одна из знаменитых «обсерваторий каменного века» - Калленииш. Многое узнал от тамошних звездочетов Пифей и, в частности, впервые услышал о последней северной земле - Туле.

Трудно сказать, откуда происходит это название и как описал его сам Пифей (труды великого путешественника до нас, как вы помните, не дошли). Когда в 49 году до н.э. Массалию захватили легионы Юлия Цезаря, все подобного рода рукописи были отправлены в Рим, а оттуда в знаменитую Александрийскую библиотеку, где они то ли сгорели во время пожара 47 года до н.э., то ли бесследно исчезли при окончательном разорении этого великого книгохранилища в 391 году. Так что название загадочной земли мы знаем лишь в латинском написании - Ultima Thule, то есть Последняя (или Крайняя) Туле.

В описаниях Пифея, отрывочно цитируемых учеными и писателями древности, Туле предстает островом, поросшим чахлой растительностью, изобилующим ледниками. Это царство белых ночей, причем не таких недолгих и мягких, как у нас в Петербурге, а подобных тем, как в местах, лежащих ближе к Полярному кругу, скажем, в Архангельске или Рейкьявике.

Пифей нашел-таки желанный путь к Оловянным островам и даже привез в Массалию груз олова, пройдя Гибралтарским проливом, ему это удалось, поскольку карфагеняне, никого не выпуская из Средиземного моря, попросту прозевали корабль, идущий из Атлантики. Впрочем, грекам открытие Пифея не слишком помогло. Пускаться в рискованные одиночные плавания купцы побаивались, а наладить масштабную торговлю можно было лишь объединенными усилиями, не реальными для слишком ценивших собственную независимость городов-государств.

Привез Пифей и янтарь, а также сведения о землях на

Балтике, где добывали этот высоко ценимый камень. Пифей привез сведения и о мудрых северных варварах, и о скованном льдом океане. Он впервые в истории совершил плавание вокруг Европы, тогдашняя восточная граница которой пролегала отнюдь не по Рифейским горам, нынешнему Уралу, - вся Скифия считалась уже Азией. И хотя он не огибал Скандинавского полуострова, но побывал-таки в нынешней Норвегии и на острове Туле.

Словом, Пифей совершил, узнал и рассказал слишком многое, чтобы ему поверили. «Отсутствие данных об этих странах вынуждает считаться со всеми измышлениями Пифея из Массалии, о местностях вдоль побережья океана, поскольку он прикрывал свои выдумки сведениями из астрономии и математики, - писал географ Страбон (ок. 64/63 до н.э. - ок. 23/24 до н.э.), - «…» Пифей повсюду обманывает людей! «…» Любому утверждению Пифея нельзя доверять!» Лишь немногие выдающиеся умы, вроде первым исчислившего размер земного шара Эратосфена Киренского (276-194 до н.э.), Пифею верили. Верил ему и астроном Гиппарх Никейский (190-120 до н.э.). Оба они соглашались с Пифеевыми расчетами широт, равноденствий и наклона эклиптики. Верил ему римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории» Плиний Старший (23-79). Но таких, увы, было слишком мало, чтобы заглушить хор хулителей. И с легкой руки Страбона за ним на многие столетия закрепилось прозвище Великий Лжец.

Герб оккультного Общества Туле, возникшего в Баварии в 1918 году и давшего начало разработке мистической базы национал-социализма Германии.

НЕСПЕШНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

Вспомнили о Пифее через полтора тысячелетия, в эпоху Возрождения. Интересовавшийся загадкой Ultima Thule Франческо Петрарка в одном из писем задается вопросом: «Кем же мог быть этот Пифей из Марселя?» В XVI столетии знаменитый эллинист и эрудит Казобон Женевский в комментариях к Страбону доказывает правоту Великого Лжеца и отождествляет Туле с Исландией. Веком позже французский философ, исследователь древних текстов и математик Пьер Гассенди в день летнего солнцестояния повторил в Марселе сделанные с помощью гномона расчеты широты и опубликовал знаменитый отчет об этом. Тогда же юрист Пейреск заказал Рубенсу портрет Пифея и поместил полотно в свою галерею «самых великих людей» (увы, картина утеряна).

В XVIII веке о путешествиях Пифея писал известный мореплаватель Луи Антуан де Бугенвиль. А в XIX веке мало-помалу начинают выходить в свет первые серьезные исследования, посвященные великому массалиоту. И вопреки

известному утверждению, гласящему, что «несть пророка в своем отечестве», в Марселе воздвигли памятник двум мореплавателям античности - Пифею и Эвтимену. (О последнем мы знаем лишь сам факт его плавания в Атлантику, а его имя упоминают только Аэций, Сенека и Марциан Гераклейский.) Эта стела с двумя ликами стоит в парадном дворе замка Борели так, что Пифей смотрит на север, а Эвтимен - на юг. Во время празднования двадцать пятого столетия со дня основания города в нише на главном фасаде Марсельской биржи был установлен бюст Пифея, - естественно, плод полета художественного воображения.

На античных массалийских монетах были отчеканены львы. И теперь Эвтимена и Пифея нередко называют «львами Массалии», поскольку именно они - и прежде всего Пифей - ввели свою родину в историю Европы и утвердили ее там на веки вечные.

В своей «Истории одной страны» сэр Уинстон Черчилль (не только политический деятель, но, напомню, и лауреат Нобелевской премии в области литературы) писал: «Пифей из Марселя - один из крупнейших мореплавателей, каких знает история. В середине IV века до н.э. он совершил путешествие, подтвердив существование Британских островов - Альбиона и Иерны. Но Пифея сочли лжецом, и только после распада того мира, в котором жил этот великий первооткрыватель, люди прониклись восхищением к его деяниям. Даже в III веке до н.э., если римляне действительно знали о существовании трех больших островов - Альбиона, Иерны и Туле (Исландия), - мысль об этом отдавала фантастикой. Все, лежащее на окраине мира, представлялось им чудовищным и странным». Лучше не скажешь!

Так выглядит действующий вулкан Беренберг на острове Ян-Майен, который ныне претендует на имя легендарной земли Туле, открытой Пифеем.

СОТВОРЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Открытая Пифеем Ultima Thule заслуживает отдельного разговора. Никто не знал, где она находится. Но в памяти людской уцелел смутный образ земли на краю света - уцелел и в урочный час зажил собственной жизнью. «Легенда о Туле восходит к истокам германских преданий. Речь идет об исчезнувшем острове где-то на Крайнем Севере… Подобно Атлантиде, Туле является магическим центром исчезнувшей цивилизации», - пишут в книге «Утро магов» французские исследователи Луи Повель и Жак Бержье.

В Туле видели не просто некий остров, но тайну. То ли осколок мифической Гипербореи, этой арктической земли блаженных. То ли страну, существующую не в нашем физическом мире, а в некоем ином измерении - незримую и запретную, куда могут отыскать путь лишь достойнейшие из достойных и посвященнейшие из посвященных - нечто вроде тибетской Шамбалы. Мечта отыскать заповедный уголок, где обитают учителя человечества, вообще свойственна представителям рода людского. Недаром не увядают легенды о затонувших материках - Атлантиде, Пасифиде, Лемурии, Му и о былом существовании там высочайших цивилизаций, проникших мыслью в самые потаенные законы природы. И о том, что где-то уцелели еще последние их потомки, найдя которых можно приобщиться к

неиссякаемому кладезю знаний. А знания, как заметил некогда Фрэнсис Бэкон, это власть (мы, правда, больше привыкли к не совсем точному переводу: «знание - сила»). Охотников же до власти всегда было и есть превеликое множество.

Так или иначе, а интерес к Туле с каждым веком рос и рос. Ее местоположение пытались определить кабинетные ученые. Они отождествляли Туле с Оркнейскими и Гебридскими островами, с Исландией и Гренландией, с Лабрадором, Ньюфаундлендом и Баффиновой Землей в Америке, с районом Тронхеймс-Фьорда в Норвегии (этой версии, в частности, придерживался Фритьоф Нансен - кто знает, не сказался ли на взглядах великого норвежца патриотизм?).

Поиски Туле нередко становились побудительным мотивом для мореплавателей. Может быть, и не в такой степени, как поиски северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий, но многие, не признаваясь вслух, лелеяли мечту ступить на легендарную землю. В этом ощущалась некая странная самоцель - сродни тщанию странствующих рыцарей отыскать Священный Грааль. К Туле стремились, выйдя из гавани Ла-Рошели, парусники тамплиеров. И семейство Каботов, и Франклин, и многие другие, отправляясь в полярные льды, подумывали о новом открытии этой земли. Но все старания оставались тщетными, ибо строились по модели: пойди туда, не знаю куда… Кроме общего направления на север, ориентиров не было.

Легенда о Туле оказалась востребованной и в начале XX века, когда оккультное Общество Туле, возникшее в Баварии в 1918 году по инициативе Рудольфа фон Зеботтендорфа, начало разработку этномистической базы национал-социализма. Помещения Общества Туле, арендуемые в мюнхенской гостинице «Четыре времени года», были украшены эмблемой, изображающей длинный кинжал и «солнечное колесо» свастики.

Этот последний эпизод оказал серьезным исследователям дурную услугу - заниматься поисками некогда открытого Пифеем острова, само имя которого было теперь скомпрометировано идеологами национал-социализма, стало как-то неприлично. Впрочем, к восьмидесятым годам прошлого века мало-помалу забылось и это.

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА?

Именно тогда фигурой Пифея и проблемой Туле занялся ленинградский историк и писатель Александр Снисаренко. Скрупулезно собрав мельчайшие отрывки из работ самого массалиота, кем-либо когда-либо процитированные, а также проштудировав едва ли не всю накопившуюся за века литературу о нем, Снисаренко в деталях восстановил маршрут Пифея, педантично подтверждая каждый вывод детальным анализом. И, надо сказать, сейчас с выводами его в большинстве своем уже согласны и историки и географы - случай, прямо скажем, нечастый, ибо в науке (и особенно в истории) собственная позиция, как правило, воспринимается единственно правильной.

Снисаренко положил на карту и отождествил с нынешними названиями все упоминаемые Пифеем земли (а их несколько - просто Туле наиболее известна). Но теперь ее можно называть так, как именуется она на современных картах, - остров Ян-Майен. Остров этот площадью 380 км2, над которым на 2227 метров вздымается вершина действующего вулкана Беренберг, принадлежит Норвегии (все-таки прав был Нансен, пусть даже не совсем!) и назван в честь заново открывшего его в 1614 году голландского морехода Яна Мая.

Итак, точка поставлена - на карте, но не в истории Туле. И не только потому, что это имя носят поселок в Гренландии, а также одна из малых планет Солнечной системы. Главное в другом: легенды не считаются с фактами, такова уж их природа. И легенда о загадочной Ultima Thule процветает и продолжает приносить все новые плоды в виде книг, уже не имеющих отношения ни к истории, ни к географии, однако наполненных (веяние времени?) эзотерическим смыслом. Но виновен ли в этом великий массалиот Пифей?

«Наука и жизнь» № 11, 2009.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

04.03.2018